

Последняя
любовь

Последняя
любовь

УДК 821.161.1-3
ББК 84(2Рос=Рус)6-4
П62

Оформление серии *Г. Булгаковой*

П 62 **Последняя** любовь : [сборник] / Мария Метлицкая, Маша Трауб, Олег Рой и др. — Москва : Издательство «Э», 2015. — 384 с. — (Все возрасты любви).

ISBN 978-5-699-83314-6

«Все возрасты любви» — единственная серия рассказов и повестей о любви, призванная отобразить все оттенки этого многогранного чувства — от нежной влюбленности до зрелых отношений, от губительной страсти до бескорыстной любви...

Эгоистичные в любви, скупимся любить безоглядно — бережем и копим порывы души, может быть, для того, чтобы потом в одночасье отдать этот клад нерастрченных сокровищ незнакомцу. Эта книга, вторая из серии о вехах любви, посвящена любви последней — зрелой, крепкой, благодарной — возможно, самой честной из всех вариантов любви.

УДК 821.161.1-3
ББК 84(2Рос=Рус)6-4

© Метлицкая М., 2015
© Карпович О., 2015
© Трауб М., 2015
© Резепкин О., Полетика М., 2015
© Буйда Ю., 2015
© Лифшиц Г., 2015
© Борисова А., 2015
© Сенчин Р., 2015
© Муравьева И., 2015
© Оформление.

ISBN 978-5-699-83314-6

ООО «Издательство «Э», 2015

МАРИЯ МЕТЛИЦКАЯ

Вечная любовь

В один год в нашем дворе оказались свободными одновременно трое мужчин вполне репродуктивного возраста.

Начнем по порядку. Жили у нас Иваньковы, Люся и Витя. И вот Люся умерла. Произошло это так стремительно, что все отказывались в случившееся поверить. Люся, веселая, жизнерадостная хохотушка, была полнотелая, с ярким румянцем во все немалые щеки, пышущая богатырским здоровьем. Никогда не болела даже сезонными простудами. Работала она старшим продавцом всеми любимого районного образцово-показательного гастронома, где даже в самое голодное безвременье можно было, отстояв, правда, многочасовую очередь, достать и масло, и колбасу, и сыр. Люся торговала за прилавком колбасного отдела — са-

мого элитарного, — и ловко мелькали ее пышные руки, точным движением ножа отрезающие нужные двести, четыреста и восемьсот положенных граммов вареной или полукопченой. Копченая колбаса (в просторечье — сухая) на прилавок не попадала. Ее, вожденную и торжественную, получить можно было только одним путем — дружить со всемогущей Люсей.

Витя Иваньков трудился слесарем на автобазе. Хилый — особенно на фоне мощной жены, — вечно раздраженный Витя любил поругать во всеулышание родную власть, осудить империализм и капитализм, позабывать козла во дворе и зло и решительно нажраться в любые праздники — ноябрьские, новогодние, в женский день (святое!) и, конечно, на майские.

Жили они с Люсей... Наверно, неплохо — в материальном смысле. И даже вполне себе хорошо. Денег хватало, пропитания тоже, да и какого!

Квартира была отдельная, двухкомнатная. Холодильник дефицитный, финский, до потолка. Ковер «Русская красавица» на стене в каждой комнате. В баре (а у них был бар!) рядком стояли разные фигуристые бутылки с иностранной выпивкой — Витя признавал только родную «беленькую». И гордость хозяев: цветной телевизор и полированная, с золотыми молдингами, немецкая стенка, полная хрусталя и богемского стекла.

Правда, иногда бузотер Витек бил нещадно и хрусталь, и чешскую богемию. Ничего не жалел.

Между собой они нередко собачились. «Бре-хались», как говорила Люся. Такой уж паскудный

был у Витька характер. Склочный. Люся выходила во двор пожаловаться и поплакать. А когда ее начинали жалеть — у нас это любят, особенно в глаза, — тут же начинала смеяться:

— Да ну вас, бабы! Мой Витек не хуже других! А кто не пьет? Покажите? Зато добрый он у меня. И нежадный.

Люся вытирала слезу и торопилась домой — муж заругает. Бабы ухмылялись вслед — «добрый»! Сказала тоже!

Сын Юрка, отслужив в армии, женился на местной девочке и остался в Пензе. Люся горевала, но признавала, что невестка хорошая — «порядочная и хозяйственная».

К детям ездили три раза в год, груженные, как вьючные мулы, — с продуктами в Пензе было еще хуже, чем в столице. Витя волок тяжеленные баулы и громко, во весь голос, материл свою жену и заботливую мать.

Иногда — впрочем, нечасто — он крепко запивал. Совсем крепко, недели на три, а то и на четыре. И это была беда. Жену свою, крупную и пышнотелую Люську, Витя мутузил так, что однажды ее увезли на «Скорой» с сотрясением мозга и переломанными ребрами. А так — просто фингалы. То справа, то слева. Или на обоих глазах разом.

Что правда, то правда — «добрый».

Люся замазывала синяки плотным слоем чешского «Дермакола» и грустно плелась на работу. Приходил участковый, предлагал потерпевшей мужа-буяна посадить.

Люся возмущалась:

— Да чтобы я, своими вот руками, — она трясла перед его носом пухлыми пальцами, уни-
занными золотыми кольцами с красными и ро-
зовыми камнями, — посадила кормильца и отца
моих детей?!

Участковый вздыхал:

— Каких детей, Иванькова? Сын у тебя! Один!
Забыла? И кто у вас кормилец — это надо еще по-
смотреть.

Однажды Витю отправили в ЛТП. Люся мота-
лась туда раза по три в неделю. Пока соседки ей
не открыли глаза — отдыхай, дура! Когда тебе еще
такое счастье выпадет?

Люся задумалась и ездить перестала. Сделала
новую прическу, купила болгарскую дубленку —
тетки подышали от зависти. Съездила на экскур-
сию по Золотому кольцу. И даже отпраздновала
свой день рождения в ресторане «Будапешт» —
только «девочки» с работы. Никаких соседок:
сплетен не оберешься.

«Девочки» крепко выпили, закусив икоркой
и севрюгой с хреном, спели любимые песни («За-
чем вы, девочки, красивых любите?» и «Милли-
он, миллион алых роз»), всплакнули, вспомнив
себя молодых, погрустнели, вспомнив своих за-
конных мужей. И совсем разнюнились, сообра-
зив, что, скорее всего, ничего больше в их жизни
не будет — ни любви к красивым, ни миллиона
алых роз.

Таксист, везший разморенную и счастливую
Люсю домой, молодой носатый кавказец, гладил ее

по полной руке и уговаривал встретиться завтра в шесть вечера.

У подъезда она совсем расслабилась и почти задремала. Таксист предлагал ей руку и сердце, называл королевой, клялся в любви до гроба, наконец расстегнул неподатливые пуговицы на Люсином платье и почти добрался до ее богатой груди.

Люся встрепенулась, пришла в себя, дала ему по носатой морде — той же пухлой и тяжелой рукой — и, не заплатив ни копейки (нанесено оскорбление!), гордо вывалилась из машины в сугроб, поднялась, отряхнулась, покачиваясь, доковыляла до подъезда и громко хлопнула входной дверью.

А вот наутро ей стало невыносимо стыдно. Старая дура! В Пензе внучок через два месяца должен народиться! Муж Витя в больнице на излечении! А она? Гуляет, блин! Отрывается! Совсем про стыд забыла. А если бы этот грузин отвез ее в лес и там бы... Черт с ней, с честью! Ведь и прибить бы мог!

После стыда и раскаяния оставалось одно: радоваться ненанесенному ущербу и срочно навестить больного мужа.

Витя, злой сильнее обычного, встретил жену неласково — не простил двухнедельного отсутствия. Унюхал запах вчерашнего алкоголя и заметил виноватые Люсины глаза.

— Нашлялась, курва драная, пока муж по больницам и госпиталям? — невежливо осведомился он. — Витин острый кадык напрягся и яростно задвигался. Он чувствовал себя героем, раненым

бойцом, коварно брошенным неверной, ветреной женой.

Люся, мелко моргая, молила о пощаде. Пощада не предвещалась. Люся торопливо доставала из сумки и разворачивала сочные ломти буженины, тамбовского окорока «со слезой», сырокопченой колбасы и осетрины горячего копчения.

— Поешь, Витенька! — умоляюще прошептала она.

Муж недобро усмехнулся — чует кошка!

— Сама жри! — коротко бросил он и смачно сплюнул Люсе под ноги. — Курва! — повторил Витя и бодро зашагал к корпусу.

Люся села в сугроб и заплакала. Подошла здоровая серая, из местных, собака, подозрительно посмотрела на женщину и неторопливо начала жевать отвергнутую ее супругом буженину.

Витю выписывали через неделю. Люся отдраила квартиру, сварила кастрюлю борща и напекла пирогов.

Витя зашел мрачный и серьезный. На Люсино «здрасте» не ответил, только кивнул. Борщ съел молча, к пирогам не притронулся. Лег спать в зале, проигнорировав супружеское ложе. Вечером, когда Люся пришла с работы, Витя был смертельно пьян. Пил он на следующий день. И на следующий. И еще три недели подряд.

Люся умоляла мужа остановиться. Витя объяснил, что пьет с большого горя, потому как жена у него сволочь и шлюха и веры ей больше нет.

С тех пор все совсем разладилось. Окончательно и бесповоротно. С работы Витю выгнали,

в ЛТП не брали, участковый махнул на него рукой. Бил теперь муж Люсю систематически — раза три в неделю. Она потухла, похудела, перестала красить волосы и губы.

Люсина дубленка — Болгария, цвет кофе с молоком — была изрезана Витей на мелкие кусочки. Точнее — в лапшу.

Жизнь покатила в тартарары и стала совершенно бессмысленной. Через полгода Люся заболела. Через три недели после этого ее не стало. В четверг отвезли человека в больницу, а во вторник забирали из морга. Скоротечная онкология, сказали врачи.

Хоронили Люсю всем двором. Приехали сын и невестка. Почему-то она плакала больше, чем все кровные родственники. Сын с отцом не разговаривал — видимо, винил его в смерти матери. На поминках Витя, как и положено, нажрался и крикнул все еще горюющей снохе:

— Чё ревешь? Гостинцы закончились? Ничего, с голоду не опухнешь! — Он громко цыкнул зубом.

Сын медленно поднялся со стула. Жена схватила его за рукав и умоляла остановиться. Так же медленно он снова опустился на стул. Вскоре молодые стали собираться в дорогу, с отцом не простились.

Витя вышел на лестницу и крикнул им вслед:
— Счастливого пути!

Мужики затащили его в квартиру.

Поминки сворачивались, и женщины торопливо убирали со стола посуду.

Витя, уронив буйну голову на руки, продолжал планомерно накачиваться остатками спиртного.

— Говнючий ты человек, Виктор! — со вздохом сказал ему участковый. И пригрозил: — Будешь и дальше тунеядствовать — посажу!

Витя, подняв на него мутные глаза, бросил:

— Да пошел ты!

Это первая часть истории. Вводная, так сказать.

* * *

Вторая история, потрясая обитателей двора, — смерть Дарины Силковской, умницы и красавицы сорока двух лет.

Силковские в нашем дворе считались, как бы сейчас сказали, випами.

Владимир Сергеевич — декан известного столичного вуза. Профессор, само собой разумеется. Высокий, интересный, с прекрасной спортивной фигурой, серыми глазами, висками, тронутыми ранней сединой, и очаровательной ямочкой на мужественном подбородке — совсем как у Жана Маре. Вежливый, воспитанный, улыбчивый. Кланяется каждой уборщице и каждому дворнику. Словом, интеллигент.

Дарина Петровна, его любимая, обожаемая жена — видно невооруженным глазом, — была высокой и статной. Тонкая талия, стройные ноги. Чудные карие глаза, полные ума и доброты. Нежная шея, пухлый, чувственный рот. Короткие темные

густые волосы стрижены «под мальчика», что делало ее еще более трогательной и беззащитной.

Дарина (а ее называли именно так, без отчества) работала врачом. Да не просто врачом — оперирующим хирургом. Говорили — замечательным.

Трудно было представить нежную Дарину со скальпелем в руках. Конечно, она лечила всех соседей. Никому не отказывала, поднималась по первому зову даже по пустякам — померить давление занудной и капризной бабке Мишутинной.

А однажды и вовсе спасла человека: подростка Юру Смирнова. Тот маялся головными болями. Врачи лечили от мигрени, но бедному парню ничего не помогало. Кружилась и болела голова, тошнило и мотало от стенки к стенке. И Дарина, нахмутив брови, срочно положила парня к себе в отделение. Оказалось, опухоль мозга. Операция, которую сделал известный нейрохирург (Дарина ассистировала), прошла успешно. Парень жив и здоров и даже поступил в институт.

Силковские жили интересно и правильно: посещали музеи и театры, зимой катались на лыжах, а летом отправлялись в поход на байдарках.

Всегда вместе и всегда за руки. Супруг заботливо поправлял на любимой съехавший беретик и потуже затягивал шарф. Однажды весь двор наблюдал, как он завязывал ей шнурок на ботинке. Тетки впали в ступор.

Дарина погибла внезапно и страшно — в тихом переулке ее сбила машина. «Скорая» приехала

не скоро. Дарина успела прошептать номер своей больницы. Через два часа были подняты на ноги лучшие нейрохирурги столицы, сделали трепанацию черепа. Дарина впала в кому. Все две недели Владимир Сергеевич не отходил от дверей реанимации. Сидел, закрыв лицо руками, и ни с кем не общался. Ночью дремал на той же банкетке. Медсестры поили его сладким чаем.

Через две недели в коридор вышел профессор, учитель Дарины, и сказал одно слово:

— Крепитесь.

Владимир Сергеевич схватился за сердце и упал в обморок. Сделали кардиограмму и положили в палату с подозрением на инфаркт.

На кладбище он умолял, чтобы гроб не закрывали. А когда все кончилось, громко, по-волчьи завыл и осел на землю.

После похорон его по настоянию Дарининых коллег положили в клинику неврозов на два месяца.

* * *

Третья пара тоже считалась счастливой. Дуся и Вася Касаткины. Два голубка. Похожи друг на друга, как брат и сестра: маленькие, пухленькие, круглолицые и румяные. Ходили «под крендель». Все вместе, все на пару.

— Все вместе, — рассказывала Дуся соседкам и товаркам на работе. — Все наполоам. Вася мой, — Дуся притворно вздыхала, — ну ничё мне делать одной не дает! Пирог печем вместе, щи ва-

рим вместе. Убираем квартиру — опять вместе. Газеты читаем вслух. Даже футбол я с ним смотрю, чтобы было что обсудить.

Бабы вздыхали и недоверчиво качали головами. Только вредная, острая на язык Валя Хохлова ехидно спрашивала:

— А в сортир? Тоже вместе?

— Завидуешь? — улыбалась находчивая Дуся.

И вправду ей завидовали. Конечно, было чему! Восьмого марта утром Вася торопился домой с мимозой и тортом — поздравить Дусю. Три часа стоял в универмаге за лифчиками для любимой. Из командировок привозил дефицитные отрезки и обувь. Летом ездили в деревню. И там все вместе: огород, грибы, на речку.

Детей у них не было — жили «для себя». Дуся работала в ателье закройщицей, Вася — хозяйственником на фабрике. Денег хватало на хорошее питание и приличную одежду, а больше у них интересов не было. Ну и что? По-разному живут люди. Главное — никому не мешают. Ладно да дружно. Не всем же по театрам ходить!

Дуся была закройщицей экстра-класса. Конечно, соседи мечтали стать ее клиентками. В смысле — на дому, так как ателье было закрытое. Но Вася запрещал жене брать халтуру. Говорил, что им на все хватает, а Дусечке надо отдыхать.

Она обожала присесть на лавочку перед подъездом и похвалиться своим житьем-бытьем.

— А Вася мне сегодня делал педикюр, — доверительно сообщала Дуся. — Срезал мозоли и чистил пяточки.